

Оглавление

Из калмыцких народных легенд <i>Шалбур Ниминов</i>	2
1. Отчего люди смертны.	2
2. Отчего бывают затмения солнца и луны.	2
3. Отчего в месяце тридцать дней и почему в первой половине месяца в калмыцком летоисчислении одного дня не бывает, а во второй половине месяца одно число повторяется два раза.	4
4. Отчего умершие не воскресают.	4
5. Откуда взялась на Земле зима.	5
6. Почему люди не едят траву	6
7. Бог “заячи” и человек.	6
8. Легенда о змее, комаре и ласточке.	8
9. Буддийский проповедник и бирмен.	9
10. Мана ээмгин магтал <i>Санджи Балыков</i>	11
11. Хальмгин урдк бээдл <i>Цаһана Морхус</i>	13
12. Мы <i>Алексей Персидоков</i>	14
13. Первая встреча <i>Аюл Манцынов</i>	15
14. Из калмыцкой истории <i>Аюка-Хан 1670 – 1724 Шамба Балинов</i>	19

ШАЛБУР НИМИНОВ

ИЗ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНД

опубликованных в журнале "Цаһан өвсни дольган" (Ковыльные волны) № 2, за февраль 1931 г., выпускаемый группой "Халимак Тангачин Тук" (Хальмг Таңһчин Туг). Ковыльные волны" журнал, Жоинвиль, Франция, 1930-1937, вышло 15 номеров (часть есть в РГБ, недостающие в ГАРФе).

1. ОТЧЕГО ЛЮДИ СМЕРТНЫ.

Множество Богов на небе, желая даровать людям на земле жизнь бесконечную силою соединенных чудодействий, изобрели целительный нектар вечной жизни. Прежде чем, отправить нектар на землю, утомленные долгими трудами и обрадованные удачным их завершением, Боги были неосторожны, оставив сосуд, с нектаром бессмертия - в кибитке-небесной лаборатории, а сами ушли шумной гурьбой в другую кибитку, попить чайку, с горячими борщиками.

Злодей рода человеческого, всепожирающий „Мангас-Араха", знавший, о том, что готовят людям Боги, воспользовался отлучкой Богов и, прокравшись, в ту кибитку, выпил весь нектар бессмертия (отчего сделался, во сто крат сильнее и бессмертным), а сосуд наполнил своим смертоносным ядом, способным отравить все живущее на земле. Когда Боги вернулись в кибитку, чтобы осчастливить род человеческий, то, по разящему, из сосуда зловредному духу, они заметили злодеяние „Мангуса Араха", но помочь горю уже было нельзя. Так не удалось им даровать человечеству бессмертие.

2. ОТЧЕГО БЫВАЮТ ЗАТМЕНИЯ СОЛНЦА И ЛУНЫ.

Жаль того, что Богам не удалось даровать людям бессмертие, но надо было, что-то сделать с ядом „Мангаса Араха". Вылить его было никак нельзя, он мог отравить весь род человеческий.

Только сами Боги могли, без особенного для себя вреда, его выпить, но от этого немного убавлялась у них, божественная сила, милосердные Боги, ради рода, человеческого, решили выпить яд сами. Как только яд был поровну разделён и выпит тут же всеми Богами, „Очир - Ванин - Геген“ сказал:

-Братья, скорее, пока яд не начал на нас действовать, разом берите свои мечи и пойдемте ловить „Мангаса Араха“. Он теперь во стократ сильнее и бессмертнее и во стократ чаще прежнего будет делать зло роду человеческому. Общими силами мы его победим и привяжем его к железной колеснице на вечные времена и избавим от него род людской.

И кинулись Боги вдогонку дьяволу „Мангас-Араха". Повстречалось с Богами на пути солнце.

-Не видело ли солнце „Мангаса Араха“? – спросили, пробегая Боги, солнце молча кивнуло головой в ту сторону, куда пробежал „Мангас-Араха". Боги напали на след врага и по небесному простору началась погоня. Дьявол, учуяв, что солнце указало Богам правильное направление, поклялся в душе: „ я тебя солнце, в три года, раз, буду мучить" и, удесетиряя силы, побежал дальше, но Боги тоже напрягли все силы и уже не теряли его из виду.

Пробежали Боги мимо луны и спросили:„ Луна, видала ли „Мангаса Араха“, как он себя чувствует, можем ли его догнать?"

- Вон он, вон он! Поднажмите еще и скоро догоните, он напрягает последние усилия - и указала луна пальцем, на бегущего злодея.

Услышав это, дьявол поклялся клятвой неотвратной; „Всю жизнь тебя, луна, буду преследовать и непременно раз в году буду мучить".

Наконец, наиболее сильный и воинственный из Богов „Яман-Дага" настиг „Мангаса Араха" и, вместо того, чтобы схватить за волосы, сгоряча ударил своим тяжёлым разящим жезлом и разрубил пополам, по поясу. Нижняя часть тела упала в землю и скрылась в преисподнее царство, а верхняя часть, еще выше взвилась в небо, но Боги уже легко поймали эту часть тела и прикрутили к железной колеснице. Так род человеческий был избавлен Богами Милосердными от злодеяний дьявола. Но „Мангас-Араха"давший клятву неотвратную , был в силах выполнить его, каждые три года «он ловил солнце и глотая его,

но благодаря тому, что он разрублен пополам, то солнце немедленно другим концом выходило наружу; вот почему, в три года раз, бывает затмение солнца. По клятве он ловил каждый год и луну и тоже глотал, а потому лунное затмение бывает каждый год. Но мало того, дьявол, медленно таща железную колесницу, вынужден, в силу той же клятвы, вечно преследовать луну.

Упавшая, на землю, нижняя часть тела „Мангаса Араха“, по свойству дьявола, мучит людей. Но, ввиду того, что это только нижняя часть тела, так сказать, лишённая разума (без головы) и мучения ее бывают бессмысленные: она только давит людей во сне, этим и ограничивается. От этого бывают у людей во сне кошмары.

3. ОТЧЕГО В МЕСЯЦЕ ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И ПОЧЕМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ МЕСЯЦА, В КАЛМЫЦКОМ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИИ, ОДНОГО ДНЯ НЕ БЫВАЕТ, А ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ МЕСЯЦА ОДНО ЧИСЛО ПОВТОРЯЕТСЯ ДВА РАЗА.

От вечного преследования „Мангаса Араха“ луна вынуждена также медленно, но непрерывно уходить. У луны тридцать кибиток и каждую ночь она ночует в следующей кибитке. Вот почему в месяце 30 дней. Но когда „Мангас“ рассчитает и собирается поймать луну на ночлеге, она перебрасывает одну кибитку и ночует в третьей. От этого бывает разница в числах. А когда дьявол рассчитает по новому и вздумает накрыть еще раз, то луна в одной кибитке ночует два раза и вот отчего - бывает двойное число.

4. ОТЧЕГО УМЕРШИЕ НЕ ВОСКРЕСАЮТ.

Всемилоостивейшие Боги, покровители рода человеческого, злодеянием „Мангаса“ потерявшие возможность даровать людям бессмертие, даровали ему другое счастье — умершим, через некоторое время, вновь воскресать. И было во времена стародавние так: умрет, бывало, человек, его начисто омывали, окуривали благовониями, одевали и клали головой на восток, на белом ширдыке, окружали его циновкой из плетеного чакана и хотон укочевывал, на расстояние собачьего лая, оставив мертвеца одного.

В первую же ночь умерший воскресал и по собачьему лаю, находил свой хотон и возвращался к семье. Но, случилось однажды, так: умер один старик, у которого была молодая жена и которая в душе не любила мужа. После смерти мужа она сделала все, как полагается для воскресения его и уютовала с хотоном. Здесь, на новом месте, до возвращения умершего старика, она сделала „булмак" (вкусное блюдо из сметаны), наварила чаю, нажарила борцыков и пригласила в гости молодых табунщиков любителей - погулять и потанцевать. Захотелось ей молодой повеселиться, пользуясь отсутствием мужа. Но в самый разгар веселья, вдруг вошел воскресший старик-муж. Раздосадованная, что не удалось ей до конца повеселиться, жена, в сердцах оказала;

-И лежал бы себе, старый хрыч, ежели однажды умер, и зачем это люди воскресают...

Великая обида запала в душу старика; молча повернулся он назад, вернулся на смертное ложе, лег и стал просить Бога, чтобы взял Он обратно его душу. И внял Бог молитвам старика; разгневался на род людской, за неблагодарность и с тех пор мертвые перестали воскресать.

5.ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ НА ЗЕМЛЕ ЗИМА.

С начала жизни земной не было зимы, а все время была весна, или жаркое лето, для созревания плодов и фруктов земных. Жила в старое время, одна великая женщина - стрелец, куда бы она не нацелилась, никогда не промахивалась.

И вот однажды заспорила она, что, если захочет, то собьет звезду с неба. Ей не поверили. Она и взялась исполнить свое гордое желание. Собрала народ и тут же поклялась: „Если не собью звезду с неба, то умереть мне и душе моей превратиться в железное яйцо и очутиться на вечные времена на дне морском и да не будет после меня женщины-стрельца".

Натянула она после этого тетиву и пустила стрелу беспромашную. Свистнув, змеей, взвилась стрела и пропала. Народ в великом волнении стал глядеть на небо и, вдруг, погасла, намеченная звезда, и пала вниз. Народ бросился на место падения и стал искать упавшую звезду. Но сколько не искали – ее не нашли, сказал народ женщине-стрельцу: “Похвасталась ты баба, то не была звезда, тобою

подбитая, а просто случайное падение звезды, а ты промахнулась“. И поверила она, что промахнулась и умерла с горя, а душа, согласно клятве, очутилась на дне морском, в виде железного яйца, и не стало, с тех пор, на свете женщин-стрельцов.

А со звездой дело было так: упала, она на землю, но не растерялась и стала искать место, куда бы скрыться, увидала она пасущуюся одинокую корову и попросила ее спрятать, Корова согласилась и легла на звезду и спокойно принялась жевать жвачку. Люди, искавшие звезду, не подумали подымать лежащую корову и звезда спаслась. Когда, люди ушли, звезда захотела поблагодарить корову и спросила, чем она может ее отблагодарить. На что, корова отвечала, что она своей жизнью довольна, но что от постоянной жары гниет у нее между копыт и что была бы рада, если Бог даровал ей хоть три месяца в году холод. Звезда обещала попросить Бога и улетела на небо. После этого повелись ежегодные зимы.

6. ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ЕДЯТ ТРАВУ

Создав всех тварей земных, определив каждой, какой образ жизни вести, Боги решили, что питаться всем травой и плодами земными и собрались было улетать, когда один из них, предложил проверить, а хватит ли травы и плодов, для всех видов живых существ. Так и сделали. Огородили два одинаковых участка земли, с одинаковым количеством травы и плодов, пустили на одну площадь женщину с годовалым ребенком, а на другую, корову с телком, Через два дня, женщина с ребенком, выев все дочиста, уже чувствовала голод, а корова с телком питались целую неделю и были сыты.

-Нет - сказали тогда Боги – нельзя людям давать кушать траву, они весь, земной шар оголят и других голодом заморят; пусть они едят вместо травы мясо и плоды.

С тех пор, люди стали кушать мясо животных.

7. БОГ “ЗАЯЧИ” И ЧЕЛОВЕК.

Когда Боги дают жизнь новому человеку, они назначают каждому, со дня рождения и до конца жизни, покровителя - „Заячи“. Всю жизнь „Заячи“ следит за своим опекаемым и радуется его счастьем и безгрешной жизни и печалится его несчастьем и греховным деяниям.

Жил на свете во времена стародавние человек по имени Кармуш. Всю жизнь ни разу не было удачи. В детстве потерял он родителей и сиротой вырос у дальней родни, а когда его женили, то ровно через десять лет, умерла его жена, оставив кучу детей. Да и так - чаще всех у него крали скот, ветер валил его кибитку, а в год эпидемии, потерял он и своих детей.

Жалостливый „Заячи“ его старался, как-нибудь помочь, своему опекаемому, потому что, человек он был безгрешный в этой жизни, но ничего не выходило. Летним днем, шел однажды Кармуш по широкой пыльной дороге, возвращаясь, после неудачных поисков, последней пропавшей коровы. И решился „Заячи“ на крайнее безумство: он вздумал показать Кармуша, самому Богу, на небе и так сделать его счастливым. Задумано - сделано...

-Вы видите, вон, по дороге идет несчастный, бедный, но праведной жизни человек, - заговорил „Заячи“ указывая на Кармуша.

-А, вижу, вижу, это вон та девица, что рвет траву, для своего больного телёнка - сироты, будет она счастлива в жизни, за своё доброе сердце, за свою жалость к животным - отвечал Бог, не замечая Кармуша.

-Нет, не та девочка, а вон по дороге идет - настаивал „Заячи“.

-Ага, это вон, при дороге, пастух хотонного скота, будет и он счастлив, будет у него в своё время, свой гурт скота, за свою честность и усердие будет он награжден - отвечал Бог, опять не замечая Кармуша.

Тут „Заячи“, понял, что не суждено быть Кармушу, замеченным Богом, решился он тогда, на другое средство, взял он полную сумку золота, столько, что если ежедневно терял бы по штучке и то, хватило бы на всю жизнь, и сбросил сверху перед Кармушем на дорогу.

А Кармуш в это время шёл и думал: „И как это, слепые идут и не сбиваются с пути, а ну-ка и я попробую притвориться слепым и пройти десяток шагов“ и, замурив глаза, прошел он, мимо сумки с

золотом, а пастух, который стал перегонять скот, через дорогу, на водопой, как раз, набрел на золото и поднял его.

И понял тогда „Заячи“, что то, что не даётся Богом, никто не может дать человеку.

8. ЛЕГЕНДА О ЗМЕЕ, КОМАРЕ И ЛАСТОЧКЕ.

Во времена стародавние была одна змея-всепожирательница, которая будучи сильнее, злее и ядовитее всех существ, могла есть каких угодно животных. Чтобы узнать, чьё мясо вкуснее, позвала она к себе комара и поручила - облететь весь свет и испробовать вкус крови, всех теплокровных существ на земле.

И полетел комар исполнять поручение царственной змеи. Летел месяц, два, наконец, через год уже возвращалась обратно к змее. Недалеко от логова змеи, повстречала комара ласточка и спросила.

-Ну, братец, что ты узнал, уж не ласточками ли, будет питаться царственная змея?...

-Не беспокойся, вкуснее - всего на свете человеческая кровь, человечиной будет питаться наша царственная змея - отвечал комар, продолжая лететь.

-Вот диво, - заговорила ласточка, ну, покажи мне твой язык, которым, ты так хорошо узнаёшь вкусы, - ласково попросила ласточка, не отставая от него. Только комар высунул язык,хватила ласточка полкомаринного языка перед - самым носом змеи-пожирательницы; и метнулась в сторону. Змея, увидевшая это, успела таки, взмахнуть могучим хвостом и достала ласточку по хвосту, но комар уже только жужжал и ничего змее не мог доложить.

С тех пор ласточка стала, с раздвоенным хвостом и любима человеком, комар без языка, а змея долго слушала, комара и, уловив ухом, в его жужжании сходство, с вечерними трелями лягушки, стала питаться лягушатиной.

9. БУДДИЙСКИЙ ПРОПОВЕДНИК И БИРМЕН.

(КАЛМЫЦКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ПРЕДАНИЕ)

Однажды буддийский Проповедник со священным сосудом в руках, подойдя к дверям одного дома, постучал своим жезлом. Хозяин дома, иноверец, ужасно-злой, гордый Бирмен, выйдя на стук и, увидя перед собой Проповедника задал ему такой вопрос:

-Что режет больнее, чем самый острый кинжал; что более вредно для души человека, чем самый сильный яд; что сильнее жжёт душу, чем самый сильный огонь; что темнее, чем самый темный ад?

-А, Бирмен, -ответил Проповедник, - нехорошее, грубое, злое слово режет сильнее острого кинжала; дурная мысль, заблуждение более вредны для души, чем самый сильный яд; вспыльчивый, злой человек сильнее жжет душу, чем самый сильный огонь, душа глупого, невежественного человека темнее самого тёмного ада.

-Что мягче пустоты; что так чисто и прекрасно, как «аршан»; что блаженно-прохладнее, чем тень сандалового дерева, что так прекрасно излучает свет, как солнце? - продолжал испытывать Бирмен.

— А, Бирмен, - отвечал П. — мягкое, истонное слово истины мягче пустоты; верующая душа чиста и прекрасна, как «аршан»; освобожденная от заблуждений душа блаженно-прохладна, как тень сандалового дерева; вобравший в себя

учение и умеющий его передавать другим Лама, так же излучает свет, как и солнце.

-Что не может погибнуть в огне; чего не может уничтожить разрушительное течение воды; чего не может украсть вор; чего не может отнять силою властелин мира; чего не может отвоевать враг?

-Плоды человеческого деяния, и хорошего и плохого, вечны. Они не могут сгорать в огне; их не может уничтожить разрушительное течение воды; не может украсть вор; не может отнять властелин мира; не может отвоевать самый сильный враг. Каждый человек ответит по своим деяниям плоды этих деяний, как собственная тень, будут преследовать его и на том свете.

-Кто будет владеть миром ; чему будут верить; кто разрушит мир и кто его вновь создаст?

-А, Бирмен,-ответил Проповедник,- этим миром будет владеть вечно-царствующее Невежество. Силой всемогущей веры создан мир. Но в силу того, что нет ничего вечного,он разрушится и вновь создастся.

-Из всех даров, какой дар наивысший; из всех добродетелей, какая добродетель наивысшая; из всех путей какой путь наивысший; из всех благоденствий, какое благоденствие наивысшее?

-Нет высшего дара, как дара религиозного; нет высшей добродетели, как бесконечное милосердие; нет лучшего пути,как путь десяти хороших заповедей; 1) нет высшего благоденствия, как нахождение Нирваны.

-Из всех болезней, какая болезнь тяжелее; из всех грехов, какой грех тяжелее; из всех грузов, какой груз тяжелей; из всех врачей-исцелителей, какой врач наивысший? -

спросил в последний раз Бирмен, поддаваясь
благодельному воздействию божественного учения.

-Нет тяжелее болезни, как грех; нет тяжелее греха, как
говорить дерзкие слова, всем высшим и низшим существам;
нет тяжелее груза, как отнимать у верующего; нет
наивысшего врача, как Бог,- сказал в последний раз
Проповедник.

И под действием такой проповеди душа Бирмена
успокоилась, сердце смягчилось и он с великой радостью
воспринял божественное учение.

Перевел с калмыцкого Балинов Шамба.

МАНА ЭМГИН МАГТАЛ.

Санджи Балыков („Өрүн харсн нарн-а“ айсар)

Темэн толһа деер һархнь
Тег бүтэсн-лэ богшурһахн;
Теегин эзн богшурһахн
Теңгр болсн ламта!

Салын һол деер сүүртэ
Сээхн өнр-лэ богшурһахн,
Сээхн өнр богшурһахн
Сальск округин залмж.

Боглан һол деер бүүртэ,
Буйн кишгтэ-лэ богшурһахн;
Буйн кишгтэ, богшурһахн,
Бурхн буусн хурлта...

Дүндү нуурин көвөһэр –
Дүүрң кишгтэ богшурһахн;
Эл эмтин һолин көвөһэр –
Элвг-делвг богшурһахн.

Хадтин салаһар бүүртэ –

Харм уга богшурһахн;
Чиревкүн салаһар бүүртә –
Чилш уга кишгтә богшурһахн.

ХАЛЬМГИН УРДК БЭЭДЛ. ЦАҢАНА МОРХУС

Делкэ өрэд төгэлэд,
Ден-дуң тусад,
Дегд ик зовлң эдлэд
Дендүцж йовсн замд -

Урдк мана бээдл,
У сээхн жирһл
Улмар, улмар сангдад
Уха седкл эзлнэ.

Үрс сарин өрү санад,
Уйн баһ насан санад,
Үрн сээхн залусан санхнь-
Уульн-дуулх дурн күрнэ.

Ташу мөрг хучсн
Торһн-тонч ноһан,
Теднэ чимг болсн-
Түмн өнгтэ цецгэс.

Жирһсн олн богшадаснь жиргрдг
Живхлңтэ сээхн нарнь мандлдг,
Живртн бүгдин байсхлңгин дун
Жирн зүсн айсар тег дүүргдг.

Теегин цевр киинь
Теңгрин аршан мет,
Төгэлңк эмтнэ бээдл-
Таралңгин орн мет.

Көвң цаһан хөөднь
Күүтр дарад мээлддг,
Көөркхн хурһд,ишкснь
Көөлдэд тоглад нааддг.

Хар-улань асхрсн
Хальмг күүкд берэднь,
Хавхг тулһтаган оралдсн
Хавшсн, таңшсн бээдг.

Хөөч,үкрч көвүднь
Хө, үкрэн цуглулсн
Хальмган магтн дурдж
Хэңкнж дүлж йовцхадг.

Хөн, хурһднь мээлддг,
Хотна малмуднь мөөрлддг,
Хээртэ сээхн адунь
Холврад ташу хучдг.

Тер хамгин дун,
Тоһрун шовуни һаң-һуң
Тастан аһарт хадгддг
Теңгрт частр татдг.

Хотнас зөвэр тедү,
Хальксн сээхн ноһанд,
Хуврг шажнь дүрсн
Хурл сүмнь данхдг.

Тогтн сээхн дүргл дунд
Тер хурл талас
Тавта дуңгин дун
Тег дарад дуңгндг.

Хотна көгшн өвгдүд
Хө, үкрэн һарһчкад,
Хурад-цуглрад зогсад ,
Хуучан сергәһэд күүнддг.

Кесг герин өркэс
Көкрсн утан хагддг,
Көгшдүдин күсл „Өрүлц“
Кегддг, белдгддг бээдг.

Хөрн эргн наста болчкад,
Хурдн зеердән унжкхла,
Хөөтк, урдкан мартчкад
Хээкрн дуулдг бээсн...

Хээрн хальмгин жирһл,
Хээрн баһ наснь
Хар мөртэ хомхн тоосн
Хагсн чилж бээдг!

Ода тер жирһл
Орж тогтна гилчи?
Орс эскн медгдэд
Урдксн жигшцхәнү гилчи?

МЫ

АЛЕКСЕЙ ПЕРСИДОВ

Степняки мы, кочевники былые,
С узким прорезом глаз...
Про юрты свои степовые
Узорный сплетаем сказ.
Нам в ковылях проложенный,
Близок казачий шлях.
Всего нам на свете дороже
Степей безграничных размах —
Вольность на землях наших
Радужней русских посул. ..
Ближе для нас и краше .
Ветров степовых гул.
Нам наше солнце светит
Ярким во тьме лучом.
Вольный казак проложит
Дорогу себе мечом.
Там, в степовых просторах
К небу взметнут дымы
И в старой столице Раздорах
Праздник отпразднуем мы.

10. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Аюл Манцынов

Ватага наша была, большая и дружная -« человек десять и все почти одних лет, старшему, нашему старшему ватажному Багалю , было десять лет, самым маленьким - мне и моему другу Бабаю, по 7 лет.

Веселою и страдною жизнью жила ватага. Как только скот, после утренней дойки, покидая хотон, направляясь за западное пастбище, каждый из нас гнал своих телят на восточное пастбище и там, после сбора, начинался день нашей ватаги. Прогнав телят за «ежовую гору», мы останавливались здесь и долго дразнили ежа, ширяя палками и прислушиваясь, к его сердитому пыхтению. Отсюда шли проверять свои вчерашние силки на жаворонков. Счастлив и горд был тот, в чьи силки из конских хвостовых волос, попадался жаворонок, севший на ночь, в свое гнездо, сделанное в земле, у корня ковыльного пучка. Потом шли под красный яр - ловить щеглов.

Солнце за это время успевало подойти к обеду и начинало печь наши непокрытые головы, а потому мы вдруг снимались, наперегонки пускались к пруду и, сняв на бегу белье, бултыхались в воду, прямо с яра. Тут одновременно с купанием, шла ручная ловля раков. Час купанья и ведро раков для компании было готово. С этой добычей мы возвращались в хотон и на чьей-нибудь гарнушке варили, и с жадностью, проголодавшихся здоровых детей, уничтожали, с большими порциями чёрного, экономического хлеба. После раков шли по кибиткам, чтобы прибавить к ним еще сметаны или кумыса.

После обеда, по условленному крику наиболее неспокойных товарищей , сзывавших ватагу пронзительным

криком „ бу-у-у, бу-у-у ! “ в с е сходились на „тачек“-гладкую площадь посреди хотона, на которой часа два длилось ожесточённое состязание, за гайданчики, составлявших наше богатство. Когда, половина проигрывала другим дневную порцию гайданчиков, ос – тавляли это азартное занятие и приступали к самому главному номеру дня - шли в наступление на воронье гнездо , что было свито, в гуще камышей на пруду, пониже гребли.

В это лето, там свили гнезда особенно злые вороны и наше наступление, вот уже месяц, каждый день кончалось нашим поражением и победой ворон. Каждый день под водительством нашего ватажного Багаля, с криками -ура! - шли мы в стремительную атаку на гнездо, ломая и топча, камыши, но, как только вороны, со злыми карканиями бросались на нас и начинали чуть-чуть не клевать наши головы, всегда кто –нибудь, издавая испуганный крик: „я-я!“ и вся ватага, обращалась в паническое бегство, преследуемая обнаглевшими воронами. Напрасны: были в эти минуты угрозы и крики ватажного, никто из нас до самого хотона не останавливался.

Собрав и успокоив нас, воодушевив, как следует и соблазнив, прелестями вороньих яиц, снова и снова водил нас в атаку наш ватажный, но результат получался один и тот-же - мы неизменно были разгоняемы воронами.

И, вот, однажды, случилось событие. Был жаркий полдень. Все взрослые в хотоне, закрыв верхние отверстия и двери в кибитках, сделав этим полутемноту, и подняв полсти по бокам кибиток, создав этим легкий, приятный сквозной ветерок, спала. Ватага наша тоже не была в сборе, мы с Бабаем играли в тени нашей кибитки в волчка, когда к нам подошел наш ватажный Багаль ,подсел и начал и начал... Выходило, что мы двое только смелые, и резвые, и хорошие и что, если втроем пойдем на воронье гнездо, можем победить и вороньи яйца достать. Говорил он так долго и

так хорошо, что мы с Бабаем тут же согласились пойти с ним в смертельную атаку на гнездо. Ватажный нас повел. Вооружил он нас двумя толстыми камышинками и расписал план наступления:

-Вы оба, держась близко друг от друга, смело идите в камыши, в самую гущу гнезд, самых злых ворон, а я стану на яру и командами: „налево взять, направо взять, прямо идите!“ - буду давать вам направление на гнездо (оно было видно с яра), и в то же время буду вас защищать от нападения ворон, которых буду отбивать, кидая в них комьями земли с яра. На современном языке роль Багаль означала бы: „в руководстве извне и защита вовне“. Когда дойдете до гнезд, ударьте камышом сидящую на нем ворону и берите не меньше трех яиц - всем нам по одному. Достанем яйца - прослывём богатырями и много, много цыплят спасём от вороньих когтей. Тогда все будут нам завидовать и вы будете моими близкими помощниками в ватаге.

Дело в том, что мы с Бабаем были самые скромные и тихие в отряде и такое внивание и похвала нашего старшего взбудоражила нас и мы смело пошли на дело, на которое не могли идти всем десятком.

Сперва все шло хорошо. Багаль нам давал направление, мы слушались; над нами как всегда вились обозленные вороны; мы махали камышинками, кричали на них, Багаль время от времени пускал в них комья земли и поддерживал нас. Идем и идем. Сердце трепещет от страха и волнения, что делаем такой подвиг, наконец, видим недалеко впереди гнездо и на нем большую черную ворону с красными злыми глазами и раскрытым страшным клювом. Взяв сильнее камышинку, криком подавляя страх в себе, я ринулся на гнездо, за мной и Бабай, даже за руки взялись, чтобы победить, или вместе умереть, и вдруг, слышим крик нашего ватажного: „Направо, направо, не туда!“ „Мы видим!“ - кричим ему, продолжая наступать. „Назад!Назад!

Нельзя! Погибнете назад!“ -закричал вдруг ватажный и смолк.

-Вперед! Чего там назад, уже поздно назад, -кричит мне Бабай и мы еще решительней двинулись вперед. Дойдя, по пояс в воде, до самого гнезда хватили мы одновременно ворону по голове и заставили её подняться. Одновременно запустили мы руки и схватили по яйцу, но ворона успела в это время клюнуть одного по руке до крови, а другого царапнуть когтями и тоже до крови, но мы яиц обратно не упустили. Обратное отступление с яйцами, прошло спокойнее и мы, легко отражая яростные нападения вороньей пары, благополучно выбрались из камышей, поднялись торжествующие на яр, к нашему ватажному и тут только взял нас страх...

Оказывается, наш ватажный, бросив нас в камышах, на съедение злым воронам, сверкая пятками, всюду удирает в хотон и был уже так далеко от нас, что не мог слышать наших криков. Молча взглянули мы с Бабаем друг на друга...

НАМЧА УЛАНОВА

Мы крепкие духом и сильные телом,
Мы верую в правду живем.
Идем за отчизну мы прямо и смело,
В борьбе за нее, мы с улыбкой умрем.
Довольно беспечья, довольно безделья
Мы веруем в силу народной души
И знаем, что будут порывы, стремленья,
Чтобы выйти из этой духовной глуши.
Должны мы работать, отдать свои силы
Для родины нашей, страдающей «там».
За все оскорбленья, за все то, что было
Должны отплатить мы жестоким врагам.

ИЗ КАЛМЫЦКОЙ ИСТОРИИ. АЮКА-ХАН 1670 - 1724

ШАМБА БАЛИНОВ

После смерти Калмыцкого Хана Пунцука в 1670 году, ему наследовал его сын, Аюка, самый выдающийся из калмыцких ханов, правивший народом до глубокой старости (умер 82-х лет). Своим талантом полководца, административными и дипломатическими способностями он снискал себе огромную славу не только среди своего народа, но и далеко за пределами калмыцкой степи.

Хан Аюка родился в Зюнгарию в 1642 году, в день калмыцкого праздника „Цаган“ от брака Пунцука, с дочерью Зюнгарского Правителя Батур-Хун-Тайджи и до 12 летнего возраста жил и воспитывался у своего деда по матери в далекой Зюнгарию, откуда он был привезен на Волгу в 1654 году.

Здесь он рос, воспитывался и развивался на руках у своего деда Шукур-Дайчина, наблюдая, изучая и достаточно усвоил политический взгляд и дипломатическую тактику своего деда, почему он и был убежденным сторонником единоличной калмыцкой власти. С самого начала его правления Калмыцким народом, успех сопровождал его. Гибкими, эластичными действиями, одних лаской, вниманием и поощрением, а других - суровыми, жестокими мерами, он быстро подчиняет себе всех калмыцких нойонов.

Своими решительными мерами, твердостью Аюка отбивает у отдельных нойонов, всякую охоту и стремление к власти. В своей работе, направленной к возвышению и укреплению центральной калмыцкой власти, Аюка не брезгует и такими средствами, как натравливание отдельных нойонов друг на друга с тем, чтобы оба во взаимной борьбе обессилев, пришли к нему с почтительной просьбой: рассудить и разрешить их спор и властвовать над ними. Он не останавливается перед принятием самых жестоких мер даже против своих ближайших родственников и сыновей.

Он ревниво оберегал престиж своей ханской власти. За неуважение к своим правам и своему ханскому достоинству он воздавал должное и порою в жестокой, а с современной точки зрения, предосудительной форме. Вот один характерный в этом отношении случай: как то на Аюку, кочевавшему вблизи Астрахани, врасплох напал Кубанский султан Бакта-Гирей, разбил его кочевье, отобрал скот, что было большим позором для Аюки, серьезным ущербом, для его авторитета, сам Аюка с ханшей Дарма-Бала едва спасся у князя Бековича, находившегося со своим отрядом вблизи. Но, когда Аюка попросил у Бековича военной помощи, для погони за Бакта-Гиреем, Бекович, имея полную возможность оказать просимой помощи, отказал Аюке в ней, говоря, что „без разрешения высшей русской власти вступать бой с горцами я не имею права.

Это было, не только оскорблением ханского достоинства Аюки, которым он, естественно, чрезвычайно дорожил, но и несоблюдением со стороны кн. Бековича

договорных, с русской властью обязательств, ибо незадолго перед тем, у Аюки было заключено соглашение, с русским правительством, в силу которого все русские военначальники обязаны были оказывать Аюке военную помощь, как и он им, о чем хорошо знал и кн. Бекович.

Аюка это запомнил. После вышеупомянутого случая, Аюка помирился с Бакта-Гиреем, Воспользовавшись этим обстоятельством, обезопасив себя, со стороны калмыков, тот же самый: Бахта Гирей напал на русских. Когда же последние обратились за скорой военной помощью к Аюке, то последний ответил словами кн. Бековича: „без разрешения высшей русской власти вступать в бой с горцами, я не имею права“.

И калмыцкий историк ,написавший на калмыцком языке „Краткую историю калмыцких ханов(этот поступок Аюки характеризует следующими словами: „таким-то образом Хан Аюка отомстил, за обиду своего ханского достоинства, силою таланта и многообразных способностей им достигнутого“.

Так действуя и работая, Аюка сосредоточивает, всю полноту власти, в своих руках и крепко держит её до глубокой своей старости. Аюка имел восемь сыновей Чакдорджаб, Арабтан, Санджиб, Гонджиб, Гунделек, Церен-Дондок, Галдан-Данджин и Баранг. Предполагают, что Аюка, под влиянием своих удач, лелеял мечту стать совершенно независимым от России Калмыцким Ханом, тем более, что в это время, Россия переживала тяжелые внутренние потрясения, связанные с Разиновским движением.

Именно этим стремлением, можно объяснить то обстоятельство, что после того, как Аюка получил от Далай-Ламы титул Хана, он „сделался надменнее в обращении и самовластнее в управлении подданными; при Дворе его явились султаны Кубанские, Хивинские и Казачьи Атаманы; даже Абдул-Хайр, бывший впоследствии ханом в Меньшей Киргизской Орде, в честь себе ставил служить при его Дворе“ (В.Броневский - История Донского Войска).

Отношение Аюки к Разиновскому движению, проф. Н.Пальмов, определяет так: „империалист в душе, Аюка не мог разделять идеологию казацкой „голытьбы“ и ей сочувствовать. Для него непонятно было это „крупное обострение хронической народной оппозиции, против бояр и кулаков“, как непонятен был и принцип „полного равенства“, провозглашенный вожак движения. Он сам хотел быть монархом, Ханом, хотел видеть в своей свите подчиненных ему верных бояр - нойонов, тайджей, зайсангов. Он не мог протянуть руку помощи, удалому казачьему атаману Степану Тимофеевичу Разину. Но он воздержался и от помощи астраханским воеводам. Только в 1705 г., во время стрелецкого бунта, Аюка становится на сторону правительства и его калмыки истребляют на Волге мятежников, намеревавшихся приступить к Царицыну. Но не забудем, что это было спустя 35 лет от начала правления Аюкой Калмыцким народом, когда Аюка уже убедился, что без поддержки русского правительства ему нельзя обойтись, даже нося звание Хана, предоставленное ему Далай-Ламой, в 1690 году.

Аюка имел живую непосредственную связь, с древней колыбелью калмыков - Зюнгарией, вел широкие самостоятельные дипломатические сношения с разными народами, включая и Китай. Связь с первой закрепляется еще более, заключением

родственных уз. Так: Аюка выдает свою дочь, по имени Сетер-Джаб, за Цевен-Рабтана, ставшего Правителем Зюнгарию после самоубийства Галдана; сам Аюка, в последний раз женится на зюнгарке Дарма-Бале, двоюродной сестре Цевен-Рабтана.

Правда, после этого, одно обстоятельство, внесло некоторое охлаждение, в личное взаимоотношение между Аюкой и Цевен-Рабтаном: в 1701 г. третий сын Аюки, Санджиб, поссорившись с отцом, укрывался в Зюнгарию, взяв с собой 15 тысяч подвластных ему кибиток (семей) и расположился в долине реки Каратал.

Хотя В.Броневский утверждает, что причина ухода Санджиба была иная и пишет: „в 1701 г., по убеждению матери (жены? Ш. Б.) своей Дарма-Балы, родственницы главного хана (Цевен-Рабтана), Аюка, собрав от разных уделов 15.000 кибиток, под предводительством сына своего Санджиба, отправил в Чжунгария, Сие военное вспоможение Главе Союза (Ойратского), бывшего тогда в войне, с Китайской Империей, по прибытии в Или, навсегда там остался,„. (История Донского Войска)

Этим уходом с Волги крупной части калмыков наносился сильный (удар Аюке, как главе калмыцкого народа и, вместе с тем, этим сильно было оскорблено отцовское чувство. Как раз в это время и его старший сын, Чакдорджаб, был недоволен отцом, отчего сильно страдало - отцовское чувство.

У отночевавшего в Зюнгарию Санджиба, естественно, не было никакого желания подчиняться Цевен-Рабтану, но последний, сумел отобрать у него, его подвластных людей, а самого отправил обратно, к отцу на Волгу, где он умер, одновременно со своими братьями Гунделеком и Рабтаном.

К этому времени относится и ссора Чакдорджаба с отцом и покушение на его жизнь со стороны его брата Гонджиба, нанесшего рукою подосланного убийцы сильную рану Чакдорджабу выстрелом из ружья, заряженного двумя пулями.¹

Суровые меры, предпринимаемые Аюкой для водворения порядка и усиления центральной калмыцкой власти, часто служили причиной столкновения Аюки с обоими сыновьями и ближайшими родственниками. Своеволие и претензией последних на власть и незаслуженный почет, Аюка жестоко укрощал, но это не всегда легко ему удавалось: иногда подобные движения недовольства охватывали широкие круги нойонов-князей и принимали серьезные размеры, что естественно, оставляло тяжелые последствия в жизни калмыцкого, народа и приносило много горя отцовскому и родственному чувству дяди.

Время ухода Санджиба в Зюнгарию, было временем хронической войны между ойратами (Зюнгарией) и маньчжуро-китайцами. Последние "усиленно развивали дипломатическую работу, чтобы склонить Калмыцкого Хана Аюку идти войной против Зюнгарию. Для этого Китайский Богдыхан оказывал всяческое внимание послам Аюки, щедро осыпал их своими милостями и присылая на Волгу к Аюке своих послов.

¹ 1) Документы калмыцкого архива в г.Астрахани, относящиеся к истории калмыцкого народа за XVIII ст. („Ойратские известия** Р 3-4).

В 1699 году для „поздравления“ Богдыхана, Аюка отправил в Пекин своего посла Эрке-гецюля, который благополучно добрался до Пекина, был принят Богдыханом, осыпан его „милостями“. Годом раньше Аюка отправляет в Тибет своего племянника, Арабджюра, сына владельца Назар Мамутова, с матерью Цаган-Замсою, с сестрою, пятьюстами подвластных ему калмыков „на богомолье“.

После посещения Тибета, Арабджюр „обратно“ поехал через Пекин, где удостоился высокой милости Богдыхана. Но китайские власти его задержали в Пекине, под предлогом невозможности проехать посольству через владения якобы враждебно к калмыкам настроенного Цевен-Рабтана, а на самом же деле, как заложника, правильно рассчитывая, что эта задержка вызовет присылку нового специального посольства от Калмыцкого Хана, что должно было послужить началом установления более тесной связи Китая, с интересовавшими его, приволжскими калмыками.

Действительно, Аюка в 1710 году отправляет в Пекин нового посланца, Сантана с 20-ю товарищами, для переговоров, о возвращении на Родину, Арабджюра.

Еще до приезда в Пекин Самтана, маньчжуро-китайцы высылают на Волгу к Аюке специального посла, цель которого Аюка, в своём письме к Астраханскому губернатору Чирикову (от 12 марта 1713 г.) объясняет так: „Приехал от Китайского от Малумту Хана посол, для того, что мне отдать овою дочь за китайского Хана и чтобы с тем его послом отпустить“.¹

Когда по делу Арабджюра приехало в Пекин посольство Сантана, то и Калмыцкому Хану Аюке было отправлено новое посольство из шести китайских сановников: Адагая, Тулишена, Наяна, Яшуна и Хабуна, со овитой в 26 человек. В Пекине на это посольство смотрели как, на исключительное по своему составу и важности и своей цели („от начала света подобной посылки не бывало“).²

Посольство это, выехав из Пекина 15 июня 1712 г., попало в кочевье калмыков, под Царицыным, в июле 1714 года; оно от Сибири до границы калмыцкой степи сопровождалось, приставленным к нему русским правительством, специальным чиновником-переводчиком Бакуниным, который своё назначение видел, во всяческом унижении и „изничтожении“ в глазах сопровождаемого им посольства калмыков и их Хана Аюки и на протяжении всего пути плел им всякую небылицу, о калмыках. Затем, доведя посольство до границы калмыцких кочевий и, опасаясь за последствия своей „дипломатической работы“, Бакунин благоразумно вернулся обратно.

i

1) Ввиду отсутствия у старинных калмыцких историков следов о выдаче дочери.. Хана Аюки за Китайского Богдыхана, проф. Пальмов высказывает предположение, что эта не названная дочь Аюки, рожденная от зюнгарки Дарма-Балы, был а выдана замуж за одного из подвластных Китаю Монгольских Ханов, „названного и силу своей подвластности этому государству, Китайским Ханом“.

2) Проф. Н.Н.Пальмов - Этюды по истории приволжских калмыков.

Посольство это имело своей тайной целью - добиться согласия Аюки, на войну с Зюнгарией, а официальным поводом служил задержанный в Пекине Арабджюр. Аюка попал в трудное положение и ему пришлось напрячь все свои дипломатические способности: прямо отказать всесильному Богдыхану он не хотел, так как ему не чужда

была мысль, откочевать в крайнем случае, в пределы Китая; с другой стороны, под влиянием своей жены, зюнгарки Дарма-Балы, также в силу родственных связей с Зюнгарией, Аюка не мог решиться на войну, с последней. Кроме того, и русское правительство „советовало“ не заводить ссоры с Цевен-Рабтаном.

Поэтому, торжественно приняв посольство и, всячески заверив его, в своей искренней преданности и глубокой симпатии Богдыхану, Аюка отпустил посольство, без определенного ответа.

В 1721 году в калмыцкие степи прибыл из Тибета Шюкюр-Лама^х, под влиянием которого усилилось у калмыков естественное тяготение к Зюнгарии, столь тогда ненавистной Китаю. Казачий историк Савельев говорит, что и сам Аюка Хан лично ездил в Зюнгарию^{xx}.

Тоже самое утверждает и В.Броневский: „Впоследствии сам Аюка ездил в Чжунгарии, и привел оттуда на Волгу остатки Торготского поколения“^{xxx}.... Хотя в новейшей истории калмыков о поездке Аюки в Зюнгарию нигде не говорится. Охлаждение калмыков к Китаю и усиление их симпатии к Зюнгарии, русское правительство приняло о удовлетворении, „так как около 1721 года переговоры с Пекином, об установлении торговых сношений, приняли нежелательный, для России, оборот и грозили полным разрывом, всяких сношений между обоими государствами.

А между тем, серьезно стал разрабатываться план подчинения Зюнгарии протекторату России. К Цевен-Рабтану было отправлено особое посольство для переговоров по этому вопросу, очень обеспокоившее Пекин”¹.

1). Нет никакого сомнения, что приволжские калмыки могли бы оказать в этом деле чрезвычайно ценную услугу, если бы руководители русской политики прониклись большим доверием и вниманием к калмыкам и умело использовали бы их. Как раз в это время проектировалась женитьба сына Аюки от Дарма-Балы, Церен-Дондока на дочери Зюнгарского Хун-Тайджи Цевен-Рабтана.

Хотя русское правительство и отнеслось благожелательно, к усилению симпатии калмыков к Зюнгарии, но это не изменило его старую политику, не прибавило доверия к калмыкам. Оно зорко следило за ними и занималось исключительно тем, что внимательно следило за тем, „чтобы калмыки не откочевали в Джунгарию, так как они нужны были, в качестве оплота России, на восточных границах Астраханской губернии, против киргиз-кайсаков и каракалпаков, а на южной границе - против кубанских татар“.

2). А о том, чтобы ослабить, смягчить те причины, которые настраивали калмыков к „откочевке“, конечно, никто не думал.

Тогдашнее русское правительство смотрело на Калмыцкий народ только, как на оплот по защите границ государства, от возможных нападений других народов, как на серьезную живую военную силу, как на пушечное мясо. Оно видело в калмыках только „коварных азиатов“, которых можно эксплуатировать, обманывать. Тогдашние „делатели“ русской политики на окраинах точно руководствовались

х) Родом приволжский калмык, Шюкюр-Лама, в ранней молодости отправился, для изучения буддийских наук в Тибет, где провел более 20-ти лет и достиг положения начальника одного из семи монастырей Далай-Ламы. По приглашению Аюки он возвратился в степь, чтобы занять место состарившегося Бюкюнчин-Ламы. В калмыцкой истории Шюкюр Лама пришлось играть видную роль до 1735 г. (проф. Пальмов - Этюды по истории приволжских калмыков).

xx) Военный Энциклопедический Лексикон, изд. общ. военных лит. ,ч.VI.СПб.1842).

xxx) В.Броневский - история Донского Войска,1334 г.

1) Проф. Н. Пальмов - Очерк истории Калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России,Астрахань,1922 г.

2) Там-же.

принципом: „разделяй и властвуй“, Они всячески старались пресечь связи ; взаимное сближение калмыков с киргизами, татарами и другими народами, искусственно поддерживая взаимную вражду между этими народами.

Интересно отметить, в этом отношении, предложение Оренбургского губернатора Неплюева, сделанное им 7 октября 1742 года Астраханскому губернатору Татищеву. Он предлагал: „выдавать хотя по портищу сукна киргизам, за каждого калмыка, пойманного на той стороне Яика, и наоборот - калмыкам, если они поймают в своих улусах киргиза и приведут его к начальству. Чрез это между ими антипатия всегдашняя была б.. Хотя до явных ссор сии народы допускать не надлежит, но не полезно и то, чтобы они любили друг друга, и чрез то в соединение придти могли”. А другой колонизатор, Кириллов, писал: „ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них, киргизцев обратить, а напротив того буде, киргиз-кайсаки что сделают, то на них калмыков и башкирцев послать, и так друг другом смирять, и к лучшему послушанию приводить”.^x

В такой же политике, упрекает позже, Астраханского губернатора Татищева и Дондок-Даши, в своем письме к нему от 14 мая 1745 года, в этом письме Дондок-Даши, обвиняя Татищева в подкупах, пишет: „когда ее императорское величество, государыня потребует, чтобы было на кого сослаться, (вы), со всех сторон ищите таких людей, который б Калмыцкий народ повредить могли, на что, чем деньги тратить полезнее б нам было обоим жить правдой, без всякого лукавства”,^{xx} „Не от хорошей жизни, конечно, ушли в 1771 году из России, оставив свои родные степи, калмыки в количестве 169.000... Не могли ничего, кроме глубокой ненависти, питать все инородцы к русскому правительству, которое их постоянно обманывало и натравливало друг на друга”. — говорит тот же

В такой сложной военно-политической обстановке, тонкой сети дипломатических интриг протекала деятельность Хана Аюки и ему поневоле приходилось лавировать, уклоняться от прямого пути, за что его некоторые ученые и историки строго осуждают. Аюка видел неизбежное в будущем подчинение калмыков России; ясно видел и сознавал, что результаты его долгой боевой и политической работы могут пойти, не в пользу его родного калмыцкого народа, оттуда из далекого и таинственного Тибета, высший духовный глава Далай Лама присылал свое „повеление” об уходе из России к „однозаконному” Монгольскому Хану; так и всемогущий Китайский Богдыхан, присылал посольство за посольством, маня его к себе, суля калмыкам всяческое благоденствие; естественное родственное чувство тянуло к древней колыбели калмыков - Зюнгарии, с которой его связывали еще и личные родственные узы, но неизбежное закабаление которой Китаем он также предвидел.

А внутри самого Калмыцкого народа - различные интриги и всяческие домогательства отдельных корыстолюбивых, честолюбивых нойонов; в довершение всего — постоянные, незаслуженные, и не оправдываемые хотя бы интересом русского дела, обиды реального характера, наносимые ему местными представителями русской власти, политика поддержания взаимной „антипатии” между, калмыками и другими народами.

Несмотря на всё это, несмотря на постоянные призывы с далёкого востока, и вопреки постоянному уговариванию своей жены, Дарма-Балы, об уходе к „своим” на восток — Аюка Хан остается на Волге и делает русское государственное дело, даже, в ущерб национальным интересам своего родного народа.

Такое его поведение проф. Пальмов объясняет так: „далновидный Хан, предусматривая участь порабощения Китаем Зюнгарии, которою правил Цевен — Рабтан, женатый на дочери Аюки, и хотя знал, что зюнгарцы укоряют его „холопством” России, но он соображал, что грядущее для зюнгарцев „холопство” от Китая, будет тяжелее русского. Он выбирая из двух зол меньшее и рассуждал так, что

ему лучше остаться подданным Петра, способного оценить его заслуги, чем идти в Зюнгарию“. И он остался.

х) Проф. Н.Н. Фирсов: Пугавщина, Опыт социолого-психологической характеристики. 1921г.

[illegible]